

Атрибутивная сочетаемость слова *годы* в свете композиционной и когнитивной семантики*

БОРИС НОРМАН, АННА ПЛОТНИКОВА

Кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
пр. Ленина, д. 51, RU-620000 Екатеринбург
E-mail: boris.norman@gmail.com, annamp@yandex.ru

(Received: 11 July 2015; accepted: 22 September 2015)

Abstract: The article focuses on the Russian attributive constructions with the head noun *годы* (years), which is used to denote decades (*двадцатые годы* – the twenties, *тридцатые годы* – the thirties, *сороковые годы* – the forties, etc.). Periods of time of equal length are perceived subjectively and are evaluated on the basis of the speakers' individual or collective experience. Being a discreet time model in reality, decades are represented in the language as an indiscreet unit which is attributed a certain quality (*революционные двадцатые* – the revolutionary twenties, *огненные сороковые* – the fiery forties, *застойные восьмидесятые* – the stagnant eighties). Statistical data analysis allows to reveal the most frequent language characteristics of each decade of the Russian history of the 20th century. The phrases examined below metonymically refer not to the periods of time but rather to the events within.

Keywords: Russian, semantics, temporal nominations, attributive word combinations

Восприятие времени связано с представлением о нем как состоящем из упорядоченных дискретных единиц: столетия членятся на десятилетия, десятилетия на годы, годы на месяцы и т. д. Каждый из отрезков времени вмещает в себя события разного масштаба – значимые для истории всего человечества и частные, касающиеся личной жизни человека. По словам Н. Д. Арутюновой, «события мыслятся не в пространстве „безграничного мира“, а в его более узкой сфере – сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства» (Арутюнова 1988: 171). Существование общепринятых систем исчисления времени не отрицает возможности использовать в качестве точки отсчета события личной жизни (*в год нашего знакомства, в мой день рождения* и под.). Интервалы времени на конвенционально принятой в обществе шкале также получают субъективную интерпретацию.

Словарь сочетаемости русского языка под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина дает при слове *год* такие определения: *хороший, плохой, счастливый, удачный, (не)урожайный, голодный, засушливый, тяжелый, трудный,*

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения: 02.A03.21.0006) и при поддержке РГНФ (проект №13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

роковой, радостный, чудесный, памятный, знаменательный. Только после этого оценочного списка идут следующие определения: *текущий, истекий, нынешний, прошлый, прошедший, будущий, следующий, ближайший, наступающий, наступивший, новый, старый, уходящий, отчетный, календарный, високосный, весь, целый, каждый, этот, тот* (Денисов–Морковкин 1983).

Показательно, что сочетаемость слова *год* характеризуется прежде всего через прилагательные с явно позитивным или явно негативным компонентом значения. Сочетаемость выстраивает для человека некую аксиологическую перспективу, указывая на то, чего ждет или не ждет человек от времени.

В «Словаре ассоциативных норм русского языка» под ред. А. А. Леонтьева в частотном порядке после нейтральных ассоциаций к слову *год* (*месяц, високосный, рождения, день, время...*) идут такие, как *трудный, тяжелый, урожайный, хороший, неудачный...* (ЛЕОНТЬЕВ 1977).

Временные отрезки одинаковой продолжительности могут субъективно восприниматься как длинные или короткие, трудные или легкие, удачные или неудачные в зависимости от индивидуального отрицательного или положительного опыта говорящего. К числу такого рода временных отрезков относится условное и искусственное членение времени на десятилетия, отображаемое в языке при помощи устойчивых словосочетаний, включающих существительное *годы*:

Год. 3. *Только мн. (с порядк. числит.). Промежуток времени в пределах десятилетия. Люди сороковых годов. Девяностые годы двадцатого века* (БТС 2004).

Вообще существительные *год* и *лет(а)* составляют супплетивную пару, ср. *четыре года, но: пять лет; школьные годы, но: забавы школьных лет; сорок лет, но: к сорока годам* и т. п. Различия в дистрибуции определяют выбор одной из форм. Правда, такой трактовке мешают контексты, в которых *годы* и *лета* взаимно друг друга заменяют (как дублеты), например: *человек в годах / в годах*, и явные фразеологизмы (*за выслугу лет*) и т. п. Однако интересно то, что набор лексических значений слова *год* и слова *годы* не вполне совпадает. Вспомним другие подобные случаи в русском языке: *осадок* и *осадки, капля* и *капли* и т. п. А. А. Зализняк писал, что кроме классических существительных *pluralia tantum* (*ножницы, сани, помои*) следовало бы выделять в русском языке группу слов, которые, как правило, выступают во множественном числе (*гренки, инициалы, шпалы*) и т. п. (Зализняк 1967: 60–61). Не говорит ли это о том, что словоформа *годы* (формально – мн. число от *год*) со временем лексикализуется и превращается в отдельное слово? Если слово *год* называет удобный и привычный для человека период времени и не содержит никаких коннотаций, то слово *годы* представляет собой не только особый (семиотический) отрезок объективного времени, но и инструмент членения и измерения жизни.

Рассмотрим последовательно языковое воплощение истории России XX века через призму членения временного континуума на промежутки, равные

десяти годам.¹ Десятилетия – это некий условный оператор членения времени, актуализирующий представление не столько о разделении, сколько о целостности обозначенного промежутка. Например, в стихотворении Д. Самойлова «Сороковые, роковые, военные и фронтовые...»² всему периоду сороковых приписан признак «военных», и это растягивает период войны на целое десятилетие вопреки реальным историческим событиям. Семиотический период времени, обозначенный как десятилетие, отличается от конкретного, наполненного событиями, и эта периодизация с помощью «округляющих» единиц является условной.

При характеристике материала следует обращать внимание на то, каким образом соотносятся такие конфигурации, как «десятилетия», с локализованными во времени событиями, какие механизмы используются для языкового членения времени и каким образом в языке дискретный временной интервал получает недискретное описание. Основным источником материала для нас послужил *Национальный корпус русского языка*, привлекались также контексты из художественных и публицистических текстов, обнаруженные при помощи поисковых систем *Google* и *Yandex*.

Характеристика временных промежутков начинается со словосочетания *двадцатые годы*. Примечательно, что конструкция *десятые годы* не является частотной, а редкие иллюстрации либо указывают на события без их оценки («Очень увлекалась Фрейдом – мы все через это прошли в десятых годах, – называла его Зигмундом, будто он ее родственник, и цитировала на память целые абзацы» – В. Катанян), либо расширяют границы десятилетия, захватывая следующее («Как во многих из людей, чья юность пала на бурные десятилетия и двадцатые годы нашего века, в нем до самой смерти кипела этакая раннекомсомольская ключевая сила» – В. Розов). Неупотребительность этой конструкции может быть обусловлена ее заменой на другие единицы измерения времени – *начало XX века, первые десятилетия XX века, на переломе веков*. Аналогичные процессы мы наблюдаем для обозначения первого десятилетия XXI века.

Двадцатые годы

В рефлексии сознания авторов второй половины XX века двадцатые годы выглядят как время далекое и неизвестное. Рассказывая о крупном ученом-генетике Н. Тимофееве-Ресовском и осмысливая события его биографии, Д. Гранин пишет: «До этой минуты он казался бессмертным, как Нева, как Уральские горы, как статуи римских консулов, что стоят в Эрмитаже...

¹ В современной историографии новейшая история начинается с первой мировой войны, т. е. с 1914 г. В истории советского периода в качестве точки отсчета выступает Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. (в других версиях – октябрьский переворот).

² Стихотворение завершает следующая строфа: «Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые... / Война гуляет по России, / А мы такие молодые!»

Цепь имела конец, другой конец ее уходил в неведомые нам двадцатые, тридцатые годы, в гражданскую войну, в Московский университет времен Лебедева и Тимирязева, тянулся и далее – в девятнадцатый век и даже в восемнадцатый, во времена Екатерины». Двадцатые годы далеко отстоят от времени, актуального для автора, а жившие в них люди родились еще в позапрошлом веке и поэтому самым частотным определением двадцатых становится прилагательное *далекие*.

Наверное, ни одно другое десятилетие российской истории, кроме девяностых, не получает столь противоречивых оценок: Россия вышла из войны ценой больших потерь, разорена ее экономика, почти повсеместно царят голод и разруха, но в то же время люди полны решимости строить новый мир. Двадцатые годы в языковом воплощении предстают как *голодные, лихорадочные, тяжелые, кровавые, роковые, грозовые* и одновременно *чудные, блаженные, золотые, несущие «веселый воздух»* (Е. Шварц). Эта неоднозначность оценок двадцатых годов видна в книге воспоминаний О. Чеховой «Мои часы идут иначе»: «Сумбурные, вихревые, плодотворные, угнетающие, оптимистичные, неутомимые, лихорадочные двадцатые годы непрерывно готовят сюрпризы и для меня». Это время надежд на будущее: «Какие кому суждены испытания, в двадцатые годы сказать было нельзя. [...] Нам хотелось не только читать стихи. Нам хотелось действовать, жить» (В. Шаламов).

Пестрый социальный мир двадцатых, который населяли комиссары, вчерашние рабочие, ставшие руководителями, первые комсомольцы, получает отображение в текстах, где идеологическим смыслом наполняются даже имена героев: «Он начал вертеть ручку арифмометра, когда к нему вошел Рамирев. Не совсем обычная фамилия парторга была придумана в комсомольские двадцатые годы. Она означала: „Рабочие – авангард мировой революции“» (С. Липкин); «Все сели вокруг костра и запели яростные песни двадцатых годов – эти песни своей юности научила нас петь Тракторина Петровна...» (С. Василенко).

Тридцатые годы

Период тридцатых годов, по данным НКРЯ, подразделяется на ранние и поздние тридцатые. *Ранние тридцатые* не получают оценочных эпитетов, а *поздние тридцатые* (конец тридцатых) осмысляются как предвоенное время. Те люди, чья молодость пришлась на конец тридцатых, живут с ощущением своего великого предназначения: «Молодые ребята конца тридцатых годов были особенным поколением. Не все они, конечно, знали, но в то, во что верили, верили искренне. Люба, Володя и их товарищи со студенческой скамьи шагнули в пекло боя, оперировали в полевых госпиталях при свечах, коптилках и карманных фонариках, многим сохранили жизни – вечная им за это слава и благодарность» (А. Рыбаков). Художественная «оптика» направлена на осмысление трагизма тридцатых как периода репрессий, чисток, ночных арестов, лагерей и др.: «Тихие ночи трудных тридцатых годов, словно шепот,

ползли к рассвету, чтобы найти свое спасение от того страха, который был в каждом доме, в каждом человеке, в каждом слове и в каждом молчании» (Р. Ангаладян). Само ставшее прецедентным словосочетание *тридцать седьмой год* является не только обозначением конкретного года, но и метонимическим названием репрессий и всего того, что с ними связано. В современном представлении тридцатые годы еще и *стыдные* – не только потому, что именно тогда был пик массовых репрессий, гонения на церковь, пакт Молотова-Риббентропа и др. – это были годы массового психоза, когда утрачивается ценность критического мышления как неотъемлемой черты человеческого сознания.

Тридцатые оцениваются как *страшные, тревожные, проклятые, трагические*, но это и период индустриализации, время самоотвержения и трудовых подвигов на благо родины: «Тридцатые начались, железные. Планы, планы, согласование. Хлеб нужен, чугуны» (М. Анчаров). Человек героических тридцатых пышет здоровьем и жизнелюбием, подобно персонажам картин А. Дейнеки: «Общая картина впечатляла почти дейнековским тридцатых годов здоровьем» (В. Аксенов).

Сороковые годы

Образ этого периода российской истории характеризуется через военные события: это *трудные, страшные, грозные, суровые, огненные* годы. Безусловно, широкая известность стихотворения Д. Самойлова сделала прецедентными строки о «роковых», «свинцовых» и «пороховых», например: «В годы моего детства все было пропитано войной. Вся наша жизнь прошла в линейках, в „труба зовет“, в „будь-готов – всегда готов!“», в рассказах о молодогвардейцах. Каждый из нас, из послевоенного поколения, примерял эти „роковые сороковые“ и на себя» (А. Розенбаум). Период поздних сороковых оценивается исключительно как *послевоенные* годы, например: «Военные и ближайшие послевоенные годы были самыми трудными в жизни поэта» (Д. Самойлов). В целом более удобным обозначением сороковых оказываются словосочетания *военные годы* и *послевоенные годы*.

Пятидесятые годы

Примечательно, что в НКРЯ содержится небольшое количество контекстов, которые характеризуют пятидесятые годы.³ Пожалуй, в языковом воплощении «пятидесятые» – это десятилетие межвременья, когда в советской истории как будто бы не происходило ничего значительного. На самом деле в 1953 году умирает И. Сталин, в 1956 году проходит XX съезд КПСС с раз-

³ Возможной синонимической заменой пятидесятых является «середина века» либо «послевоенные годы».

облачением культа личности, но психологически эти события воспринимаются как происходящие в следующем десятилетии. Десятилетие, в котором жил Сталин, психологически не может быть десятилетием, в котором Сталина разоблачили, поэтому шестидесятые, как магнит, перетягивают наиболее знаковые события пятидесятых. См. в связи с этим фрагмент песни:

Первая проталина, похороны Сталина.
Гипсовую статую сняли втихаря –
Эх, шестидесятые, гордые, пузатые,
Разбавляй проклятую песней блатаря.

(А. Шаганов)

Именно пятидесятые как никакое другое десятилетие богаты тем, что называют «культурой повседневности»: если в другие десятилетия фиксируются лишь единичные контексты, связанные с бытом (например, «громadные оранжевые абажуры тридцатых»), то архитектура повседневности пятидесятых представлена множеством реалий: *лакированные горки пятидесятых, шокирующие бикини пятидесятых, буфет в стиле «прекрасные пятидесятые»* и т. д. Сознание советского человека обращается к быту («...в почти сытые ранние 50-е годы гарнизонные и вообще дамы получили возможность крутить носами между крепдешинном и креп-жоржетом, ленинградским букле и общесоюзным габардином... А в голодные поздние 40-е тканей не было» – А. Кабаков), и этот интерес к бытовой стороне жизни обусловлен множеством обстоятельств: многие советские люди во время войны побывали за границей и увидели другую жизнь, привезли трофейные вещи, начинается массовое возвращение людей из лагерей и обустройство ими своего жилища, возникают пока еще ограниченные культурные связи.

Шестидесятые годы

Шестидесятые годы предстают в языке как романтическое время «оттепели», по выражению А. Жолковского, «эпоха бури и натиска». Это время, наполненное надеждами, когда как будто бы помолодела вся страна. Период шестидесятых оценивается преимущественно положительно: *прославленные, добрые, прекрасные, святые, романтические и бурные*. Породившие такое культурное явление, как «шестидесятничество», эти годы вызывают ностальгию у его героев: «Для меня Родина – не только страна, где я родился, но и эпоха, в которой я вырос и жил. И меня невольно охватывает ностальгия по невозвратно миновавшему времени „поющих шестидесятых“, поре недолгих юношеских надежд, короткой хрущевской оттепели и первой волны гласности, вызвавшей к жизни среди прочего такое странное явление, как авторская песня, охватывает печаль по ушедшим из жизни друзьям» (А. Городницкий). Вместе с тем это начало диссидентства: «Юлий Даниэль и Андрей Синявский были самыми знаменитыми осужденными шестидесятых, позже им подобных людей называли „узниками совести“...» (К. Скуениекс).

Безусловно, это и «космические шестидесятые» – время освоения космоса, первого полета человека в космос, усиления военной мощи Советского государства, визита Хрущева в Америку, но это и «кукурузные шестидесятые», когда повсеместно насаждается «царица полей» кукуруза.

Известный российский журналист Л. Парфенов, характеризуя 60-е годы и высказывая отчасти метаязыковые суждения, справедливо отмечает: «эпоха начиналась раньше, время не знает круглых дат. Ведь и кончились 60-е до срока: в 1968-м, когда советские танки раздавили „человеческое лицо“ социализма в Чехословакии». Характеризуя 50-е годы, А. Кабаков фиксирует несовпадение десятилетия с историческими событиями: «Конец пятидесятых наступил в 1957-м, когда в Москве прогремел Международный фестиваль молодежи и студентов. Жизнь после фестиваля стала совершенно другой, чем была до».

Семидесятые годы

Семидесятые годы воспринимаются как начало нового этапа в культурной истории: «Та жизнь кончилась, началась другая: она просто началась, оценивать и сравнивать бессмысленно. Да, семидесятые выглядят отсюда сложными, напряженными, переплетенными. Да, в семидесятых сформировались лучшие русские режиссеры Тарковский и Герман и работали десять чрезвычайно сильных литераторов» (В. Токарева). Приведенная цитата во все не случайна: именно культурный фон становится основой для языкового представления семидесятых.

Застойные, глухие и смутные семидесятые не богаты политическими событиями. Как пишет А. Найман, «время не менялось, не двигалось. Как началось оно в нулевом, по принятому летоисчислению пусть в 1953-м советском году, так и оставалось нулевым, ну от силы – за счет пусть 1968-го – полугодовалым».

Не внешняя канва событий определяет это время, а погруженность человека в творческую деятельность, которая рассматривается как спасение и бегство от времени: «Из разных писем конца семидесятых – начала восьмидесятых... „Дорогой Мигуэль. Рад был получить твое письмо, из которого явствует, что ты в деле. А это единственное спасение в наше время, где нет даже бесплодных чаяний“» (М. Козаков).

Немногочисленны в НКРЯ иллюстрации, в которых семидесятые осмысляются как время строительства БАМа: «героические дела комсомолии семидесятых на великих и малых стройках» (И. Синицын). Но в целом можно согласиться с писателем и публицистом Д. Быковым, отмечающим, что «семидесятые остаются наиболее интересным и, пожалуй, непонятым советским периодом. Описаны они либо поверхностно, либо уклончиво: одни умерли, другие спились, третьи уехали – фиксировать гротескную реальность поздней брежневщины стало некому».

Восьмидесятые годы

Подобно семидесятым, застойные восьмидесятые оцениваются отрицательно как *гнилые, глухие, стыдливые* и т. д. Например: «Все мрачней надвигались тяжелые восьмидесятые годы: мало интересуясь политикой, я чувствовал это нутром. И на бытовом уровне» (В. Попов). Лишь в частной жизни отдельного человека это время может оцениваться положительно: «Конечно, десятилетие, прошедшее между Олимпиадой и падением СССР, было глубоко застойным, зато в его биографии ученого оно оказалось самым плодотворным. [...] Вообще это десятилетие, эти гнилые восьмидесятые, принято сейчас только ругать, но я не могу присоединиться к общему мнению – не могу потому хотя бы, что мы с Тамарой прожили эти годы в любви и согласии» (О. Зайончковский). В сравнении с предшествующими и последующими десятилетиями они оцениваются как *спокойные*.

В стихотворении Б. Рыжого, построенном как палимпсест самойловского «Сороковые, роковые...», восьмидесятые получают индивидуальную интерпретацию и оценку:

Восьмидесятые, усатые,
хвостатые и полосатые.
Трамваи дребезжат бесплатные.
Летят снежинки аккуратные.
Фигово жили, словно не были.

Типизированная, массовая оценка этого периода связана с его осмыслением как времени застоя, «дряхлеющей эпохи», «излета империи» («До середины 80-х годов мы жили в тягучей вечности, не зная ни минут, ни лет...» – М. Кантор).

Девяностые годы

Языковое представление девяностых роднит их с двадцатыми: девяностые предстают *романтическими, революционными, бурными, демократическими, благословенными, свободными*. И вместе с тем, они определяются как *кровавые, бандитские*. Экономические реформы и становление нового государства приводят к оценкам этого десятилетия как *сложнейшего, трудного, тяжелого, смутного*: «Я вам честно скажу, девяностые годы иначе как клятыми, клятыми девяностыми не называю!» (С. Шаргунов). Преодоление распада империи связано с активизацией асоциальных личностей, и эти годы получают оценку *криминальных, крутых, бандитских* и, конечно же, *лихих девяностых*. Появляются устойчивые обороты *методы девяностых* (обычно о насильственных способах управления, захвата имущества), *человек девяностых* (бандит, киллер, челнок).

Противоречивые оценки получают девяностые даже в рамках одного контекста. Так, вспоминая об открытии факультета лингвистики и межкуль-

турной коммуникации в МГУ, С. Г. Тер-Минасова характеризует девяностые как кошмарное время и в то же время говорит об этом времени как начале эпохи международного общения: «Это открытие замечательно совпало по времени с кошмарным (сейчас страшно вспомнить) переломным периодом „бандитских девяностых“, в результате которого был сломан железный занавес и для нашей страны и нашего народа началась эпоха массового международного общения».

Эту двойственность оценок с преобладанием положительной отмечает также современный писатель А. Иванов, называя 90-е *эпохой перемен, прекрасным и свободным временем обновления*: «Считается, что „лихие девяностые“ были национальной катастрофой, периодом развала и беспредела, однако в те годы проявилось еще и мощнейшее созидательное начало». В либерально-демократических средствах массовой информации представлена оценка девяностых как связанных со свободой слова и другими демократическими изменениями в обществе (например, передача на радио «Эхо Москвы» «Девяностые – время надежд»).

Нулевые годы

Относительно недавно закончившиеся *нулевые (двухтысячные)* пока не дали парадигму оценочных контекстов. Контексты из художественной литературы в НКРЯ не зафиксированы. Для рефлексии относительно прошлого необходима какая-то дистанция, а нулевые пока не отстоят от настоящего времени настолько, чтобы их значение было осмыслено в историческом контексте.

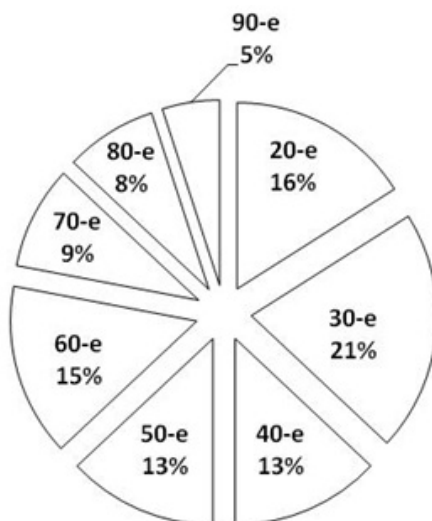
Пожалуй, можно говорить об определенной устойчивости словосочетания *стабильные нулевые* в средствах массовой информации и о довольно регулярном противопоставлении нулевых и девяностых: «Тогда еще не начались блаженные нулевые, год шел смутный, начально-девяностый, и служба дальнотойщиков, едущих блатными маршрутами и перевозящих, например, дорогостоящую технику, а то и автомобили, была не только трудна, но и опасна» (Т. Соломатина).

Стоит отметить, что нулевые – одно из немногих десятилетий, которое не сопровождается характеристикой *голодные*, и единственное, получающее оценку *сытых* и даже *тучных*. В поисковой системе Yandex обнаруживается 321 тыс. вхождений на словосочетание *сытые нулевые* и 91 тыс. вхождений на *тучные нулевые*.⁴

По данным НКРЯ, в процентном отношении исследуемые нами контексты распределяются следующим образом (см. Диаграмма 1).

⁴ См., например: «Начало XXI века. На страну льется „золотой дождь“ нефтедолларов. И потому 2000-е, или нулевые, годы называют тучными, нефтяными, сытыми и даже жирными» (Е. Савшак).

Диаграмма 1. Количество словосочетаний, образованных по модели «Adj + N-ые (годы)» в НКРЯ

Как видно из диаграммы, максимальное количество контекстов приходится на двадцатые, тридцатые и шестидесятые годы. Это может быть обусловлено и спецификой НКРЯ, в котором велика доля художественных текстов, где эти десятилетия в силу объективных причин получили разнообразное определение («лагерная» проза, поэзия и проза шестидесятников). Кроме того, к наименованиям этих периодов почти невозможно подобрать синонимические замены (в отличие, например, от пятидесятых – середины века, девяностых – конца века и сороковых, безусловно связанных с войной).

Для более полного представления об исследуемых контекстах были извлечены данные из корпуса *The Google Books Ngram Viewer* (взяты русские биграммы – пары слов на расстоянии 1).⁵ По результатам этой выборки система наиболее частотных атрибутивных единиц, сопровождающих исследуемые нами обозначения десятилетий, такова (в скобках указано количество контекстов с учетом словоформ, при этом цифровые варианты написания десятилетий не учитывались):

двадцатые – далекие (2254), бурные (640), трудные (392), голодные (344);
тридцатые – далекие (1672), бурные (427), страшные (415), трудные (380), голодные (329);
сороковые – далекие (591), роковые (670), огненные (490), грозные (402);
пятидесятые – далекие (477);
шестидесятые – бурные (644), далекие (366), прославленные (132);

⁵ Выражаем благодарность за помощь в извлечении данных Ю. А. Киселеву, мл. научному сотруднику кафедры информационных технологий УрФУ.

семидесятые – далекие (343);
 восьмидесятые – далекие (193);
 девяностые – бурные (94).⁶

Представленные количественные данные позволяют сделать наблюдения относительно устойчивости пространственного определения *далекие*, частотность которого значительно уменьшается начиная с «шестидесятых годов». Именно по отношению к десятилетиям первой половины XX века отмечаются такие определения, как *памятные* и *незабываемые*. Девяностые годы пока не ушли в историю и не осмысляются как прошлое. Вероятно, удаленностью событий объясняется и неравномерное распределение контекстов: при общем количестве 6832 контекста с атрибутивными определениями *двадцатых годов* всего 672 контекста на *девяностые годы*.

Значительная часть контекстов включает в себя не оценочные определения десятилетий, а притяжательные местоименные прилагательные (*мои, наши*), дейктические слова (*те, эти*), указывающие на присвоение времени человеком, а также квантор всеобщности *весь* (*все двадцатые годы, всех шестидесятых*), реализующий значение неискренности временного периода, обозначенного как десятилетие.

Важно и то, что объектом оценивания становятся не столько сами временные промежутки, а то, что их наполняет. По данным «Словаря-тезауруса прилагательных русского языка», в разделе «Время» не столь частотны прилагательные с оценочной коннотацией, например: *допотопный, жгучий, несовременный, старорежимный, черепаший, запоздалый, хороший, широкий, щедрый* и т. п. (БАБЕНКО 2011). Время само по себе – независимая от человека субстанция (измерение), объективная характеристика мира. Человек оценивает не время как абстрактную величину, а себя, своих знакомых, вообще других людей, какие-то обстоятельства – и только эти характеристики он переносит на отрезки времени.

Как отмечают Г. Ханнаппель и Х. Меленк, «нет такой области жизни, которая не структурировалась бы понятием ценности» (HANNAPPEL–MELENK 1981: 209). Действительно, интеллектуальная и эмоциональная деятельность человека постоянно включает в себя оценку предметов, явлений, людей. Даже такие «бесстрастные» прилагательные, как, допустим, *железный* или *пластмассовый*, содержат в себе потенциальную оценку. Ср.: «Давай купим эти грабли! – Не-ет, они пластмассовые! А этот компьютер тебе не нравится? – Да ты что, он в железном корпусе, килограмм пять весит!».

Исследуемые нами словосочетания, включающие слово *годы*, отражают ценностные ориентации людей, передают мироощущение эпохи, но, так как представления о жизни, наполненной событиями, эволюционируют, столь

⁶ Контексты «двухтысячные годы» в указанной базе не встретились, а контексты со словом «нулевые» не учитывались, так как ввиду многозначности прилагательного множество иллюстраций связаны со специальными понятиями математики и физики и не имеют отношение к временной периодизации.

разнородными и изменчивыми оказываются характеристики одного и того же периода. Нельзя не согласиться с В. Б. Касевичем, пишущим, что «временной отрезок есть прежде всего то, что значит для индивидуума (или коллектива, сообщества) занимающее этот отрезок событие, а не безразличный к своему наполнению „контейнер“». [...] Время при этом может рисоваться как мозаика разнокачественных кадров, которые не обязательно образуют континуум» (КАСЕВИЧ 2013: 43).

В последнее время в либеральных СМИ нулевые годы получили такие характеристики, как *подлые, тухлые, затхлые, душные*, например: «Сто машинописных страниц про молодые восьмидесятые, про лихие девяностые, про подлые нулевые...» (В. Шендерович). Определенная временная дистанция позволяет иначе оценивать исторические события: масштабные по прошествии времени оказываются незначительными, второстепенные, наоборот, приобретают большое значение.

За рамками данной статьи осталась проблема диахронической природы рецепции десятилетий XX века. Например, тридцатые годы характеризуются в том же ключе, как и пятидесятые, и совершенно в ином, скажем, в девяностые. При снятии «синхронного» среза получается, конечно, весьма пестрая картинка, где такие разные оценки как будто бы мирно сосуществуют. Очень точно подмечает субъективность оценок времени Г. Гусейнов: «Неужели с нулевыми окончательно отстегнется в бездну двадцатый век, закрытый лихими девяностыми? И позади останутся десятилетия, из которых только одно общезначимо в России и за ее пределами для всех – сороковые. „Сороковые, роковые“, потому что Гитлер только чудом не взял Москву. [...] Каким будет ключевое событие наступающих десятых, пока не знает никто. [...] И потому не только у каждого века, но и у каждого десятилетия свой разговор о числах».

Однако даже на таком ограниченном материале, исследуя усредненное общественное сознание, мы моделируем определенный (идеальный) образ жизни. В нем присутствует и позитив, и негатив (обычно эти характеристики «ходят парами»). Какой может быть жизнь? Сытой или голодной, спокойной (мирной) или опасной (лихой, бандитской), веселой или грозовой (роковой), динамичной или застойной и т. д. Любопытно, что в определении десятилетий отсутствуют такие характеристики, как, скажем, «занимательные» или «глупые» – они просто не входят в идеальный образ жизни.

Приписывание аксиологических характеристик со значением образа жизни дает основания относить слова *сороковые, шестидесятые, девяностые* и т. д. не к порядковым числительным, а к относительным прилагательным. Об этом свидетельствует также форма множественного числа. Сравним: в контексте «Сороковой год жизни я встретил за границей» слово *сороковой*, безусловно, реализует количественную семантику. В контексте «В далекие и трудные сороковые многие подростки работали на заводах» важна не количественная, а качественная оценка временного отрезка. Недаром, кстати, с этими словами часто соседствуют обычные качественные прилагательные

(ср.: «Сороковые, роковые...»). Способность контекстуально (в сочинительной или соподчинительной конструкции) сочетаться с явными качественными атрибутами маркирует переход порядковых числительных в относительные прилагательные.

Проведенный анализ лексических единиц, выражающих темпоральные представления русского языкового коллектива о десятилетиях, показал, что в семантике исследуемых словосочетаний фиксируются особенности восприятия времени, создается собственная лингвистическая хронография, иногда отличающаяся от той, которая изложена в учебниках истории. Дискретное восприятие времени, при котором оно членится на условные десятилетия, оказывается удобной моделью осмысления хода истории и движения времени. Объективная хронология (границы отрезков на временной шкале) не совпадает с теми границами, которые задает общественная психология. Поэтому названия типа *тридцатые*, *сороковые* условны. Употребительность порядковых числительных, которые постепенно превращаются в относительные прилагательные, обусловлена рядом факторов, в том числе их соотношением с иными (синонимическими) обозначениями периодов.

Общественное восприятие отрезков времени (в нашем случае – десятилетий XX и первого десятилетия XXI века) насыщено оценочной семантикой. Эта оценка амбивалентна и со временем может меняться.

Литература

- АРУТЮНОВА 1988 = АРУТЮНОВА Н. Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: «Наука», 1988.
- БАБЕНКО 2011 = БАБЕНКО Л. Г. (ред.) *Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам*. Москва: «Проспект», 2011.
- БТС 2004 = КУЗНЕЦОВ С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004.
- ДЕНИСОВ–МОРКОВКИН 1983 = ДЕНИСОВ П. Н., МОРКОВКИН В. В. (ред.) *Учебный словарь сочетаемости слов русского языка*. Москва: «Русский язык», 1983.
- ЗАЛИЗНЯК 1967 = ЗАЛИЗНЯК А. А. *Русское именное словоизменение*. Москва: «Наука», 1967.
- КАСЕВИЧ 2013 = КАСЕВИЧ В. Б. *Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности*. Москва: «Языки славянской культуры», 2013.
- ЛЕОНТЬЕВ 1977 = ЛЕОНТЬЕВ А. Н. (ред.) *Словарь ассоциативных норм русского языка*. Москва: «Издательство Московского университета», 1977.
- НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- HANNAPPEL–MELENK 1981 = HANNAPPEL H., MELENK H. *Pragmatik der Wertbegriffe*. In: FRIER W. (Hrsg.) *Pragmatik. Theorie und Praxis*. Amsterdam: Rodopi, 1981. 209–236.